

Мариан Феофилович Глушкевич (1877-1935) родился в Галичине, деревня Дыдэва. Закончил юридический факультет Львовского университета. Через девять лет судейской службы открыл собственную адвокатскую контору. В качестве защитника успешно выступал на знаменитых судебных политических процессах, инспирированных австрийскими властями против известных общественных деятелей Галицкой Руси.

В 1899 г. во львовском журнале "Живое Слово" появилось первое стихотворение Мариана Глушкевича "Поэтессе", а в 1903 г. вышел его первый поэтический сборник "Мелодии", затем еще два. В Галичине автора называли Галицким Лермонтовым.

Мариан Глушкевич писал также прозу, исторические исследования, статьи и печатался в различных газетах и журналах Львова.

Предлагаем вниманию наших читателей две статьи Глушкевича.

В 1916 г. ко времени написания "К познанию врага" еще не была известна одна из основных причин отступления Русской Императорской Армии с Восточного фронта, а именно: спланированный и осуществленный думскими масонами срыв поставок оружия, в частности, в Галичину (заговор этот станет известен гораздо позже). Цель: дискредитация государственной власти и обвинение ее в военной немощи и свержение монархии в России. И это когда практически вся Галичина находилась в руках России, и многовековая мечта русского населения Австро-Венгрии о воссоединении с Великороссией оказалась так близка к воплощению.

Прав автор статьи: врага надо знать. Вовремя и всех.

Статья-речь Глушкевича "Русь" появилась в 1929 г., когда давно рухнула надежда на возвращение Галичины к своей родной Руси, да и сама Русь была брошена в кроваво-черный омут. Мечта галичан удалась еще на сто лет, возвратясь к своему Космическому Источнику. И надежде...

Наталья ГАТТАС

К ПОЗНАНИЮ ВРАГА

Каждый новый день должен приносить новое подтверждение правильной оценки, сделанной Россией и ее союзниками, мирным предложениям Германии. Все яснее должна выступать вся совокупность причин и целей германского предложения, все ярче проявляться возрастающая разница между воюющими сторонами, в том числе и разница в овладении той и другой стороной такой крупной ценностью, какую на весах победы представляет собою познание противника. Знание не только материальной его силы, но также, что часто несравненно важнее, силы духовной. Оно высшая ценность, оно одно из условий, часто главное условие победы.

Когда-то, вернее, еще недавно, целая нация-государства познавали себя, да и не только себя, по германским источникам и указкам-методике. Перемену в это положение внесла и продолжает вносить война. По сравнению с Германией, задумавшей только после двух с половиной лет войны прибегать к пусканию пробных шаров, со-

Родина, Русь - это Ты!

юзниками в отношении познания противника сделан громадный шаг вперед. В этом отношении, как это ни неправдоподобно на первый взгляд, союзникам немалую помощь оказали центральные немецкие государства сами. Скорый темп и сильный пульс жизни позволяет легко заметить, проследить и учесть отдельные течения, их разногласия и уклоны. Не желая повторять всего известного о славянах обеих немецких империй, нельзя в то же время не напомнить, что уже в самом начале войны в вопросах ее, не исключая самых существенных, обнаружилось явно раздвоение немецкой общественной политической мысли. Оно коснулось не только немецкой нации, как целого, но также, что весьма знаменательно, отдельных партий. Правда, на первых порах под неожиданно обрушившимся ударом войны, в тисках военной дисциплины, сделавшейся для всей нации привычкой, как будто застыла свободная мысль и затихли партийная разногласия. Но когда, сравнительно скоро, выяснилось, что правительства и династии немецких империй навязали нации завоевательную войну, что борьба принимает все более упорный и затяжной характер и, главное, что о разгроме антигерманских союзников, как условия завоевания, и речи быть не может, тогда жизнь и время взяли свое: испытания войны и военная дисциплина оказались слишком слабыми и недолговечными. От т.наз. аннексионистов (консерваторов и националистов) уже во втором году войны ушли не только громадное большинство либералов, но также виднейшие представители католической партии центра. Учрежденное либеральное общество мира было без всяких препятствий утверждено правительством и допущено к весьма широкой деятельности, и только по настоянию правительства оно должно было принять название общества "п о ч ё т н а г о мира".

Кроме либералов и католической партии центра, война в самом же начале вызвала раскол среди социалистов, партии до тех пор чрезвычайно сильной не только числом своих членов, но и строгой солидарностью. Заявление знаменитого вождя германской социал-демократии, пок. Бебеля, что он, невзирая на свои 60 лет, возьмет винтовку на плечо, как только выйдет дело с Россией - эти слова лучшая характеристика отношений немецких социалистов к России, но только до момента войны, повергнувшей в прах скрижали партийных догм и учений, предавшей забвению многия традиции и перемешавшей понятия, программы и стремления огромных организованных партий и групп. Правда, грубое "сила выше права" нашло еще себе защитника в лице известного Гардени (Zukunft); правда, и марсбургский проф. Бред писал (Berliner Anzeiger), что "немецкий милитаризм ценнее всего международного права"... Но это так давно было: год - целый долгий год войны тому назад. Ныне же читаем в тысячных прокламациях германских социалистов ("Голод" и др.) о том, что "немецкий милитаризм после всех своих побед попал в тупик." Так пишут ученики Бебеля, так чувствуют и сознают миллионы немцев.

Другие рвут и мечут копыя, взваливая вину на... русских социалистов. "Они-то, социалисты России, - пишет львовский социалист Герман Диаманд в венском журнале "Polen", - пропагандировали среди наших немецких социалистов новья, благоприятная для России настроения. Чего не могли достичь наемные агенты рублем, то сделали добродушно, из патриотизма те,

кого били кнутами..." Но голос его и голоса других его галицких товарищей, раздавшиеся со страниц национально-шовинистических изданий, прозвучали бесследно. И австрийские социалисты, по примеру германских коллег, скоро возбудили на страницах "Arbeiter Zeitung" вопрос о том, приемлемы ли в настоящее время старые кличи Маркса и Энгельса о разгроме России в интересах европейской демократии, вопрос, который остался нерешенным только ввиду условий... военной цензуры. Другой научный социалистический орган "Der Kampf" в противовес своему названию превратился в орган... пацифистов.

Даже то, что столь недавно было совершенно невозможным, сделалось действительностью. Отдельные политические деятели и даже целые группы, еще накануне войны считавшие социалистов исчадиями ада, ныне, отчаявшись, безнадежно зывают к их патриотизму, словно моля поддержать настроение масс. Всегда дотоле весьма далекие от религиозных настроений "Neue freie Presse" занялась изучением евангелия о любви к врагам, обвиняя в ее недостатке кэнтэрберийского епископа, не устраняющего блокады и заставляющего голодать немецких женщин и детей.

О действительном настроении немецкого общества по отношению к России лучше всего свидетельствует редакционная статья "Frankfurter Zeitung", появившаяся в начале апреля прошлого года, т.е. в то время, когда в руках России была почти вся Галичина. В начале этой статьи говорится буквально следующее: "Наши будущия отношения к России разбираются многими, особенно берлинскими органами печати под таким углом зрения, что можно подумать, что мирные переговоры начнутся уже в ближайшие дни."

С тех пор, правда, изменилось многое, но понимание того, что победа окончательно ускользнула от Австро-Германии, в немецком народе становится все тверже и яснее и все чаще то косвенно, то прямо выражается независимой печатью.

Перелом настроения в связи с сознанием действительности не мог не уделиться и правительству обеих немецких империй. Заносчивые речи с угрозами поставили врагов Германии на колени и диктовать им условия мира с картой в руках сменились заявлениями о желании сохранить политическую независимость, свободу национального, культурного и экономического развития. Громкие крики в стане врагов о походе на Киев, Петроград, Москву сменились тихими, давно забытыми словами о культуре и угрожающей ей гибели, о миллионах жизней, о потоках крови... И в результате - готовность мира и мирных предложения.

Что же она такое? Показатель ли сознания победы, полной и достигнутый победы? Симптом ли хотя бы веры, непоколебимой веры выйти победителем из мирового конфликта? Другими словами, она сила или слабость? И что такое ответить России и ее союзникам, что такое этот внушительный, ибо единый и решительный, отпор? Слабость или сила?

Одной готовности к войне недостаточно, чтобы победить. Об этом враг убедился глубоко. Но ему предстоит убедиться еще в том, о чем с горькой иронией пишут "Leipziger Volkszeitung" и "Arbeitszeitung", что "одной готовности к миру недостаточно, чтобы к тому же побудить противника."

Незнание противника - проигрыш. Знание, познание - это важно, необходимо, как знание себя.

Журнал "На новом пути", 1916 г.

РУСЬ

(Речь М.Ф. Глушкевича, произнесенная на вечере в День Русской Культуры в г. Львова)

Пусть пред Твоим державным блеском Народы робко клонят взор Пусть семь морей немолчным плеском Тебе поют хвалебный хор, Пусть далеко грозой кровавой Твои перуны пронеслись: Всей этой силой, этой славой - Всем этим прахом не гордись!

Да, прав был А.С.Хомяков. Моему, недавно талантливый и вдумчивый публицист Ганфман, по случаю юбилея Л.Н.Толстого, высказал приблизительно следующую замечательную мысль. Есть великодержавность, основанная на силе, на материальной силе народа и его государства, на его территории и ее географическом положении, на международном политическом и экономическом влиянии, на вооруженных силах. Все это дает народу право на место среди других великих государств, являясь источником национальной гордости и чувства национального достоинства. Но великия державы исчезают, превращаются во второстепенныя, а иногда даже память о них стирается в истории.

И есть великодержавность другого рода, создаваемая великанами духовного творчества, великанами литературы, науки, искусства, великанами общественной, философской, религиозной мысли. Эта великодержавность прочнее, несомненное, ценнее, чем всякая другая. И счастлив тот народ, который в периоды смуты, колебаний и сомнений, в эпоху неистовых противоречий и катаклизмов, - даже расточив, даже разметав и разметав свои материальные богатства, сохранил эту духовную великодержавность и имеет то призвание и признание, которое не зависит ни от войн, ни от революции, ни от побед, ни от поражения, ни от политического могущества, ни от государственной слабости.

Русский народ имеет такое утешение. Это его культура с лежащей в ее основе путеводной, руководящей идеей русского народа.

Уже на заре русской государственности наш русский паломник у гроба господня затеплил свечу не за свое спасение, не за благополучие своей семьи, и не за свой только народ, а за "все языцы", за всех православных христиан, что в переложении на тогдашний язык означает - за счастье всего человечества.

Идея русского народа никогда не исчерпывалась мыслью о защите своих границ, своей политической независимости. Русскому народу всегда было мало этой одной заботы. Успокоиться на выполнении этой одной задачи для него означало бы погрузиться в ленивом покое и мириться со всеми неминуемыми всякого продолжительного покоя последствиями, каковы: мертвенная неподвижность плоти и мертвящее окоснение духа.

"Безумец! Нет Тебе покоя, Ни отдыха. Вперед, вперед!" - восклицал Хомяков к русскому народу.

И пусть, как писал великий русский историк Ключевский, наше развитие идет не тяжем, а рывком, не шагом, а скоком, но оно было и есть постоянное движение вперед.

Основная идея русского народа, его наша вечная жажда нового творчества, его наше вечное искание новых форм жизни, нового гимна сынов земли, она в то же время выражение всечеловеческого начала в нашей русской

душе. Идея русского народа - это идея всечеловеческого служения.

"На дело грозного служения В кровавый бой предстанешь ты!"

Первое впечатление от этих слов Хомякова - ужас, следующее от этой мысли - величие, то есть то, чем изумляют мир многия явления и события русской жизни. Служение есть страдание. Вот почему развитие нашей социальной, национальной и даже политической жизни, нашей литературы, науки, искусства, короче говоря, развитие русской культуры проходило и проходит через ад всех земных страданий: страдание гражданина, страдание женщины, семьи, сословий, классов, наций, страдание художника, писателя, мыслителя и наконец страдание самое жестокое, страдание религиозное. Ни от одного из этих страданий не избавлена русская культура, как не избавлены ее творцы Пушкин, Достоевский, Толстой, ибо не избавлены от них душа и мысли русского народа. От одной ничтожной части выпавшей на долю русского народа страданий чахла и гнила бесследно другие народы, гибли их культуры. Мы горим, но не сгораем, мы корчимся в судорогах боли, но не умираем от боли, мы болеем, но у нас боль, а не болезнь, да и болезни излечиваются у нас именно болью и страданием.

"Так исцелив болезнь порока Страданьем, скорбью и стыдом, Пред миром станешь ты высоко В сияньи новом и святом!"

(Хомяков)

Мы видим глубже, мы чувствуем острее (сравните Толстого и А.Франса!), глубже и острее, чем Европа и Азия взятые вместе.

Мы даже мыслим - страдая! Вспомните пушкинское: "Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать."

После величавых взлетов к вершинам экстаза, свергнутые в пучину скепсиса, мы опять возносимся все выше и выше и мчимся все дальше вперед, облетая все моря и все суши, экватор и полюсы нашей вдохновенной песнею и нашей мыслью дерзновенной, и жаром наших мучений, мы воспламеняем все народы и все эпохи, будим свою и чужую волю, свою и чужую совесть (Короленко!), будим из летаргии все массы, все расы, все человечество и мир! "Безумец! Нет Тебе покоя, Ни отдыха! Вперед, вперед!"

И в этом трагически благотворный смысл нашего бытия, в этом благополучный фатализм нашей судьбы!

Клич: земное счастье для всех сынов нашей земли - это прежде всего клич русского народа, всего русского народа, его старая, изначальная заповедь, его непреодолимое стремление.

"На меньшем мы не успокоимся", - пригрозил миру уже Достоевский. К этому стремились, в равной мере, но различными путями, и кн. Крапоткин и Стенька Разин, и гр. Толстой, и Ем. Пугачев, и мужицкий царь, называвший своих солдат "товарищами", и его величество - русский мужик, причем каждому из них с равным правом и в равной степени в одно и то же время, может быть присвоено название и "грозного" и "тишайшего".

И пусть на пути к осуществлению этого идеала или хотя бы приближения к нему ждут Русь, и с нею весь мир, еще многия горькия разочарования, испытания, страдания, конфликты, катаклизмы, но эта наша русская заповедь так велика, справедлива и свята, что вслед за меркнувшей культурой Запада она не может не предвещать нового пышного расцвета новой, не западно-европейской уже, а всечеловеческой культуры.

И... "Исцелив болезнь порока... Страданьем, скорбью и стыдом, Пред миром станешь ты высоко В сияньи новом и святом!"

Если на миг остановить внимание на нашей теснейшей Родине, не будет парадоксом сказать, что

в противоположность к русской политике, причинявшей нашей Родине миллион терзаний, русская культура была всегда для нас источником величайшей радости и утешения, ободрения и упования, и только благодаря ей мы и сберегли и можем отстоять наше национальное существование.

Сознавая и глубоко ценя все значение праздника Русской Культуры, сделавшагося уже всемирным праздником, мы, примиренные и объединенные русские люди, без различия классов, происхождения, рода занятий, образования и политических взглядов, переживаем в этот день минуты глубокой одухотворенности и чувствуем себя очищенными от накипи злобы, вражды и сомнения, т.е. всего того, что ближних, друзей, людей делает врагами.

Да поможет же День Русской Культуры с его светлыми чувствами глядеть бодрее и смелее вперед, в надежде на то, что приобщаясь все теснее к русской культуре, обновится и оживится и наша нива, что на ней сторицей взойдут, зазеленятся, нальются, заколосятся, зашумят, созреют и зазолотятся пышные всходы, и будет чистая пшеница, белый хлеб.

Да будет!
Да умножится же в этот день наша радость, пусть ее лучами озарятся наши лица и души, загорятся наши взоры, чище и чаще забьются наши сердца, потекут добрые слова, зазвучат наши сладкие, весь мир облетевшие и весь мир пленившие чудо-песни, зарокочут струны ярочатых, эй, да зазвенят многозвончатых!

1929 г., Львов

После Первой мировой войны, когда шестисотлетняя мечта и стремления Галицкой Руси воссоединиться наконец с Великой Матерью Русью, разлетелись в прах, эта мечта продолжала жить в виртуальном звездном энергетическом пространстве и в душах галичан. В 1927 г. Мариан Глушкевич опубликовал стихотворение-гимн Руси.

Белая, белая,
Яблонно-цветная,
Трепетно-смелая,
Грустно приветная -
Чар световая мечта.

Сердце волнующей
Сказкою яркою,
Думой врачующей,
Тайною жаркою
Мне напоила уста.

Росами тканная
Ночи прозрачная,
Дали туманная,
Нивы стозлачная

Зыбьются в вод серебре.
Над перелесками
Облачка тонкая
Рдеют завесками,
Лебедей звонкая

Вскили скользят на заре.

Взмолится истово
Светлая схимница, -
Ярче лучистаго
Утра поднимется

В сердце восторг красоты.
И вдохновенная
Вьюгами грозными,
Мчитса нетленная
Высями звездными...
Родина, Русь, это - Ты!

АЛИК МАХОНЬКО-КАТЛАМА

Получив диплом юриста, Алик Алексеевич Махонько серьёзно задумался о незвучности своей фамилии. Он представил, как в конторе на двери его кабинета среди петровых и гинзбургов будет висеть табличка «Махонько». Табличка почему-то виделась только на мраморе и с красной звездой, как надгробие видного большевика. А если представить, как секретарша будет спрашивать: «Вы к Петрову?», «Вы к Гинзбургу?» и ужасно провинциальное и окраинное «Вы к Махонько?». Ну кто захочет, чтобы его интересы представлял «Махонько»?!

Алик знал, что его отец турок. Мать рассказала печальную историю, что познакомилась с ним, когда турецкая фирма строила новый мост в городе. Звали его Али Катлама. По рассказу матери заключить браки не успели, отец погиб на стройке. От родителя Алику достались только адаптированные на русский лад имя и отчество. Естественно мать дала ребёнку свою фамилию, что даже совпадает с турецкими законами, по которым ребенок рожденный вне брака, должен носить фамилию матери. Насколько мать была правдива, Алик выяснять не хотел. Даже если бы он сейчас разыскал своего отца в Турции, то вряд ли бы сложились их отношения, если совсем не наоборот. В школе и институте он говорил, что его отец был с Киева и погиб в Чечне. Отчим был не против любой версии истории, но желания усыновить Алика у него не возникало.

- Ты не обижайся Али! Фамилия – это судьба! – любил говорить подвыпивший отчим.
- Да и какая разница Махонько ты или станешь Шумило, - пыталась утешить мать.
- Разница есть, глупая баба! Ты не ровняй какую-то там на такую...

Махонько чувствовал, что в современной России иностранная фамилия для юриста только в помощь, да и с Турцией отличные отношения. Решено!

Собрав все документы, Алик отправился в паспортный стол. Документы принимала строгая женщина в звании майора с неудачно покрашенными волосами. «То ли ей некому сказать? То ли прокрасилась перед выходом на работу второпях?» - думалось Алику. Но желания сообщить даме, что у ней такая оказия с головой у юриста не было.

За вторым столом сидела молодая девушка в штатском, подшивала бумаги и поглядывала на тихо работающий телевизор.

Ответив на пару стандартных вопросов, Алик благополучно сдал документы. Уже закрывая дверь кабинета, Алик услышал голос девушки:

- Людмила Ивановна, турки наш самолёт сбили! Война будет!
- Я тебя на войну не отпущу, - спокойно ответила майорша.

Алик понял, что кто-то сверху или снизу решил над ним посмеяться. Он достал айфон и стал читать новости:

«...Турецкий истребитель F16 выпустил ракету. Сбитый Су-24 упал на сирийской территории недалеко от границы. Судьба пилотов неизвестна». «Сегодняшняя потеря связана с ударом, который нам нанесли в спину пособники терроризма. Турция вместо того, чтобы прийти к нам, созывает НАТО. НАТО обслуживает ИГИЛ?» - толкует события Путин».

Алик почувствовал себя крайне неудобно. Ведь действительно может развязаться война, а он взял турецкую фамилию – это вызов! Это проблема! Он присел за столик для посетителей и быстро переписал заявление на смену фамилии на Махонько-Катлама.

Майорша удивилась, но приняла новое заявление. Закрыв дверь кабинета, Алик решил прислушаться к неизбежному обсуждению его скорого переобучения.

- Маша, тут молдаванин хочет вернуть себе хохляцкую фамилию. Точнее хочет двойную. Оформи новое заявление.

- Чёрт знает что творится! Сколько русских вдруг вспомнило, что они ещё и нерусские. А тут ещё и эти!

- Не говори. Я так заматываюсь. Муж скоро сбежит...

Устраиваясь на работу, Алик с лёгким сердцем подал новенький паспорт начальнику по кадрам Ордынцеву-Фридману.

- Румын? – спросил сиплым голосом седой кадровик.

- Да... – обречённо ответил Алик.

ЗА ЧТО ПОБИЛИ МАТЕМАТИКА?!

Очередь в почтовом отделении, что на Лермонтовском проспекте постепенно накапливалась по причине полного программного зависания компьютеров в соседнем отделении на Измайловском. Насколько я знаю, новые программы, которые наша почта меняет каждые полгода, плохо приживаются – это мучение для сотрудников и клиентов.

По мере накопления очереди росло и нервное напряжение, особенно в среде пенсионеров, пришедших за своими «кровными». Вас удивит, но самыми тихими в очереди являются не люди спортивного телосложения и не интеллигентно-очкарики, а обычные бытовые пьяницы и алкоголики, тяжело страдающие в ожидании похмелья. Чем это можно было бы объяснить? Думаю, что люди, у которых «трещит голова» и «горят трубы», не хотят усугублять физическое состояние истерзанного организма криком и нервным напряжением.

Обычно бунт в очереди развивается непредсказуемо, но по своим законам. Он может начаться с недовольства на уровне отдельных реплик, отдельных граждан. Он может начаться с выяснения «вас здесь не стояло», но это исчезло с появлением талонов электронной очереди. Чаще он начинается с качания прав деловой женщины или мужчины: «Что за бардак! Вызовите мне вашего начальника!». Я ждал. Оглядывая посетителей, я пытался вычислить: «Кто же начнёт? Скорее всего, вот эта дама в кожаном пальто, нервно поджимающая губы. Или вот этот мужчина в «алюске», опершись на коробки своих посылок. Он уже несколько раз подходил к окну оператора и, многозначительно качая головой, возвращался».

Обычно дело доходит до вызова начальника. А начальники у нас закалённые в боях, других и не ставят. И вот уже летят в металл отлитые фразы:

«Я, конечно, могу сейчас сесть и начать отвечать на ваши жалобы. Но тогда дело пойдёт ещё медленнее! Все работники на местах! Я никого не прячу! Звоните! Жалуйтесь! Ваше право!». Обычно на том перепалка и заканчивается. А когда посетители узнают зарплату почтовых работников, то раздраженность и агрессия перерастают в сочувствие.

Очередь для большинства – это потерянное время, а для меня шанс наткнуться на тему для рассказа. Случайно заговоривший с вами человек, может удивить приключением из своей жизни. Или вы становитесь невольным слушателем чужого разговора...

Мои размышления прервал довольно сильный голос: «Кто последний?!». Сразу несколько человек показали рукой в сторону автомата электронной очереди. Мужчина лет тридцати с небольшой рыжей бородкой, одетый в стиле хипстера направился к автомату, который после манипуляций с ним стал издавать противный сильно пикающий звук. Он ещё долго стоял возле орущего автомата, пытаясь, что-то найти в карманах своей одежды. Из-за стойки вынырнула дама – сотрудник почты. Мужчина стал оправдываться: «Я забыл очки. Может, не ту кнопку нажал». Сотрудница почты не исправила ситуацию – автомат продолжал визжать. Большая часть присутствующих в медленно текущей очереди с раздражением посмотрела на растерявшегося мужчину. Он поймал эти взгляды.

- Как говорят математики: «Человеческая глупость даёт представление о бесконечности». Зачем придумали эту фигню?! Было же раньше нормально, обычная «живая очередь», - ища понимания, начал хипстер.

- Чего мне твои математики! Мне вот удобно стало. Я плохо людей помню. А талончик с крупной цифрой хорошо придумали, - шамкая, не согласилась бабушка.

- Ты, математик, лучше подумай, как отключить эту шарманку, - с наездом сказал мужчина в «алюске».

- Товарищи клиенты, - вдруг раздался женский голос с интонацией начальника, - в автомате закончилась бумага. Пока мы ищем подходящий рулон, записывайте или

запоминайте номер талона, который при запросе будет появляться на табло.

- У меня мигал А-37. У кого А-36? – с облегчением спросил математик.

Очередь молчала.

- Товарищ почтальон, а нету предыдущего. Что делать? – занервничал математик.

- Спрашивайте тридцать пятого и далее. Некоторые, не дожидаясь, просто уходят.

- У кого тридцать пятый?

- У меня, сынок! – тихо ответила бабушка в мужской кроличьей шапке.

Автомат продолжал пищать. Математик чувствовал странную ответственность за случившееся.

- Я не виноват, что на мне закончились талоны, - бросил он в присутствующих.

- Вас никто не винит. Просто бардак! – возмутилась дама в кожаном пальто.

- А вот хотите, я вас развлеку интересными цифрами, - сказал математик и достал из кармана заношенных джинс такой же заношенный мобильник. Очень интересные цифры из прошлого, - продолжил он, глядя на экран телефона. Итак:

«За столько Раскольников убил старушку-процентщицу в «Преступление и наказание» Достоевского? В 1865 году – было 317 рублей. А в 2015 году – это уже 320 тысяч рублей».

Столько составил бы выигрыш Германа в «Пиковой даме» Пушкина? На сегодня – это 2,5 миллиарда рублей».

Столько левша Лескова получил за работу над блохой? 1826 году - 100 рублей. Сегодня - это 800 тысяч рублей».

Столько Настасья Филипповна бросила в камин в «Идиоте» Достоевского? 1868 год - 100 тысяч рублей. Сегодня – это 8 миллиардов рублей!».

- Врёт классик! – внезапно раздался хриплый голос мужчины из очереди, - никакая баба перед такими деньгами не устоит и уж тем более в огонь не бросит!

- Продолжай, милоч! Оно и очередь быстрее идёт, – махнув рукой на несогласного с классиком мужчину, сказала бабушка в кроличьей шапке.

- Продолжаю:
«Столько Николай Ростов проиграл Долохову в «Войне и мире»? 1806 год – это 43 тысячи рублей. В 2015 году – это 70 миллионов рублей».

- И Толстой врёт! Не играют на такие деньги! Не знали жизни эти писаки! – вновь отреагировал хриплый голос.

- Столько Шариков украл у профессора Преображенского в «Собачьем сердце»? В 1924 году - 2 червонца. А сегодня - это 5 тысяч 500 рублей, – бодро продолжил математик.

- Ну, хоть это в деньгах разобрался, - согласился с Булгаковым хриплый голос.

Лёгкий гул обсуждения услышанных цифр наполнил зал. Тем временем математик оказался уже у окна оператора и быстренько оформил отправку заказного письма. Он спешно направился к выходу.

- Э, постой! У тебя какой номер был? – спросил его военный с погонами старшего прапорщика, прихватив за руку.

- Двадцать шестой, - испуганно ответил математик.

- Так у тебя же был тридцать седьмой! Я хорошо запомнил! У меня номер дома такой, - сказал мужчина в «алюске».

- А я смотрю, пришёл после меня, а справился раньше! – наступая, сказал худой мужчина с явными признаками вчерашнего перепою.

- Я нашел талон вон там на полу. Ну, он же действительный. Кто-то выкинул, не дождался...

Математик не успел закончить оправдание, его прервал удар в лицо. Из носа пошла кровь.

- Я, сучёнок, здесь уже час умираю после вчерашнего, друга поминал, но молча терплю, жду свои инвалидные и не пытаюсь нае*ать ближнего! Мы здесь в культурном городе, всё-таки! А ты без очереди! – отчитывал математика хозяин удара.

- Ну ты уж перестарался. Зачем так бить в лицо! – заступился за математика прапорщик.

- Эти по другому не понимают! Он нам на уши сел, а сам, хитро сделанный, в кассу...

Математик держал нос рукой и со страхом ожидал нового удара. Народ во мнениях разделился.

- Иди, шкура, - зло зыркнув, сказал ценитель традиций городской культуры.

- Я же говорил, что «живая очередь» лучше..., - почти плача, сказал нарушитель, стремительно удаляясь.

- Я так и не поняла, за что побили математика?! – спросила удивлённая бабушка с дальнего ряда сидений.

- По поддельному талону прошёл, - с тяжёлым вздохом ответила соседняя старушка. Автомат продолжал противно пикать, требуя свою бумагу.

- При Сталине расстреляли бы! Брошенная фраза о Сталине не была поддержана дальнейшим обсуждением в силу двойственности. То ли автор адресовал её пикающему автомату и причинам возникшей очереди. То ли находчивому и побитому математикау.